

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

Л. В. Кангаспуро

БРАТЬЯ ЯКОВ И КОНСТАНТИН ГРОТЫ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА БЛАГО РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ

Братья Гроты родились в дворянской семье немецкого происхождения. Их дед, сын адвоката, был родом из герцогства Гольштейн. Он переселился в Санкт-Петербург еще в XVIII веке, где стал пастором¹. Известно, что он занимался общественной и просветительской деятельностью. Отец их, Карл Ефимович Грот, бывший «товарищ по воспитанию» Александра II², был женат на обрусевшей петербургской немке, «любившей все русское и воспитавшей детей в любви к русскому языку и народу, в привязанности и благодарности к России»³. Благодаря столь высоким связям отца, братья проходили обучение в лучшем образовательном учреждении того времени — в Царскосельском лицее, закончив его с отличием⁴.

Старший из братьев, академик Яков Карлович Грот (1812–1893), стал широко известным не только в России, но и в Финляндии. Его деятельность всесторонне изучена как российскими, так и финскими исследователями. Первым обработал и обнародовал научное наследие академика, имеющее международное историческое и общественное значение, его сын профессор Константин Яковлевич Грот. Двухсотлетию со дня рождения Я. К. Грота была посвящена большая конференция в 2012 г., которая прошла одновременно в Хельсинки и Санкт-Петербурге. Результатом ее стал специальный выпуск научного альманаха «Философский век»⁵.

Тем не менее, как представляется, важным является обратить внимание на гельсингфорский период жизни Я. К. Грота. Как известно, впервые он посетил Финляндию в 1837 г. Более длительное время он провел в княжестве летом 1838 и 1839 гг. А летом 1840 г. уже переехал на постоянное жительство в Гельсингфорс с матерью и сестрой. Тогда же перед новогодними

праздниками его навестил младший брат Константин. Провожая брата до Борго (Порвоо), они посетили известного финского поэта Й. Рунеберга, с которым Я. Грот уже прятельствовал в то время.

В конце 1830-х гг. назрела необходимость улучшить статус и преподавание русского языка в Финляндии. Я. К. Грота назначили на должность профессора русского языка и словесности в Александровском университете в Гельсингфорсе. Позднее в его обязанности входило следить за преподаванием русского языка в учебных заведениях Великого княжества. Были опубликованы его книги в Финляндии по изучению русского языка, литературы и истории на шведском языке. В своих статьях, опубликованный на Родине, он знакомил русское общество с литературой, историей и природой Финляндии и Швеции.

Одновременно Я. К. Грот чрезвычайно увлекся подбором русской коллекции книг, которая комплектовалась в библиотеке Александровского университета. По его инициативе она была выделена в отдельную русскую библиотеку и стала прототипом современной «Славики», которая сейчас находится в национальной библиотеке Финляндии, и поныне радующей исследователей своими находками⁶.

Тогда же, несмотря на 20-летнюю разницу в возрасте, завязалась многолетняя еженедельная переписка Я. К. Грота с его старшим другом П. А. Плетневым, профессором Петербургского университета и редактором известного российского журнала «Современник». Плетнев стал близким другом и младшего брата Константина, который часто останавливался у Плетневых в Санкт-Петербурге.

Свидания братьев были всегда самые радостные. Константин как можно чаще стремился навещать «своих гельсингфорсцев». Близкие отношения между братьями даже подтолкнули Якова к мысли о возможности устроить Константина на службу в Гельсингфорс⁷. Но его судьба сложилась иначе.

Я. К. Грота приглашали часто и с удовольствием в гельсингфорские дома⁸. У него было много знакомых не только среди русских, но и среди финских и шведских высших чинов, аристократии, профессоров, журналистов и писателей. Причем, что очень важно, он хорошо говорил на обоих языках.

Тем не менее в 1853 г. Грот с семьей покинул Гельсингфорс, где прожил почти тринадцать лет. Уехав из Финляндии, Грот

не перестал интересоваться ею. В русской науке Грот справедливо считался лучшим знатоком Финляндии. Причем в Санкт-Петербурге его академическая карьера стремительно развивалась. Он, в частности, тогда стал вице-президентом Российской академии наук. Одновременно Я. К. Грот известен как учитель будущего императора Александра III, которому он преподавал русский и немецкие языки, историю и географию.

Не меньшего интереса заслуживает личность его младшего брата Константина Карловича Грота (1815—1897). Кем он только не служил на благо российского отчества! Начал государственную карьеру в 1845 г., поступив на должность ревизора в хозяйственном департаменте министерства внутренних дел. Эта должность позволила Гроту объехать многие российские губернии, и он зарекомендовал себя как честный чиновник с необычайным чувством внутренней дисциплины и ответственности. В 1853 г. он был назначен на должность губернатора Самарской губернии. За время управления К. К. Гротом губернией сумма городских доходов быстро возросла почти вдвое. А в 1860 г. он ввел в губернии гласность и поощрял занятие должностей людьми с университетским образованием.

Современные исследователи обращаются к различным периодам жизни и разносторонней деятельности К. К. Грота, но его роль как инициатора тюремной реформы и, по существу, создателя и первого руководителя Главного тюремного управления (далее ГТУ) является практически неизученной проблемой.

С 1870 г. Грот — член департамента законов Государственного совета. В 1870—1882 гг. он занимал должность председателя Совета управления учреждениями великой княгини Елены Павловны. В тот период в правительственных кругах обсуждались вопросы совершенствования тюремной системы в России.

Богатую пищу для размышлений дают оценки непосредственных участников законотворческой инициативы, оставленные в мемуарах и дневниках. В этой связи будут небезынтересны воспоминания ближайшего помощника Грота в эту пору графа В. Н. Коковцева⁹, судьба которого сделала его свидетелем и деятельным участником немалого количества событий в империи¹⁰. Преемник С. Ю. Витте на посту министра финансов, сотрудник П. А. Столыпина по работе в Совете министров, председатель правительства России в 1911—1914 гг., он оставил заметный след

в истории своей страны. Начиная свою государственно-политическую карьеру в министерстве юстиции (далее Минюст), он переходит на службу в министерство внутренних дел (далее МВД) и с момента образования ГТУ занимает в нём должность старшего инспектора в 1879–1882 гг., а затем с 1882 по 1890 г. его назначают помощником начальника ГТУ. Таким образом, будущий председатель правительства был в отряде пионеров-реализаторов тюремной реформы в царской России, «в период коренного переустройства этой отрасли управления на началах, выработанных выдающимся государственным человеком того времени — Статс-Секретарем К. К. Гротом»¹¹.

В. Н. Коковцев, давая оценку К. К. Гроту, указывает: «При кажущейся беспристрастности и даже внешней строгости Грот, занимавший один из самых видных постов государственной службы, пользовавшийся всеобщим уважением за твёрдость воли, добросовестность и компетентность, носивший редкое в то время звание “Статс-Секретаря Государя Императора”, был человеком гуманным и внимательным. Работать с ним было легко и приятно»¹². При этом в воспоминаниях подчеркивалось, что постоянное окружение Грота состояло из плеяды государственных деятелей или только что сошедших с высоких ступеней государственной службы, или принадлежавших к окружению великой княгини Елены Павловны и занимавших видные посты¹³. Многие из них имели юридическое образование и непосредственное отношение к судебной или тюремной реформе.

Кроме того, многочисленные факты, приводимые в воспоминаниях, указывают на неординарные личные качества самой великой княгини Елены Павловны. Благотворительница, государственная и общественная деятельница, известная сторонница отмены крепостного права и «великих реформ», она была хозяйкой самого известного столичного салона в Михайловском дворце, который посещали самые выдающиеся люди того времени¹⁴. По словам присутствовавшего там известного государственного и общественного деятеля А. Ф. Кони, эти собрания были основной дискуссионной площадкой, где вырабатывались планы великих преобразований середины XIX века. Лично из рук самодержца Елена Павловна получила золотую императорскую медаль «Деятелю реформ». Это способствовало укреплению её авторитета в придворных кругах. Деятельность

кружка великой княгини Елены Павловны, который стал центром общения ведущих государственных деятелей, получила широкий общественный резонанс.

Как человека, принадлежавшего к этому прогрессивному кругу, Грота заинтересовал вопрос о возможности применения в России преимущественно одиночной системы содержания заключённых. Получив право свободного посещения всех без исключения тюрем в России с правами инспектировавшего сенатора, им была составлена небольшая анкета о влиянии одиночного заключения на самих арестантов. В ходе посещения и опроса было выявлено, что устранение возможности взаимного общения в их среде было чистейшей фикцией. Изобретательность в средствах тюремной коммуникации в России не знала границ и являлась насмешкой над принципом изоляции преступника¹⁵.

В начале 1877 г. в Государственном совете приступили к обсуждению проекта тюремной реформы. Было решено создать при совете комиссию по проведению тюремной реформы из его членов и представителей заинтересованных министерств, которую и возглавил К. К. Грот. Он считал, что «необходима была реформа не только в учреждениях, но в людях...»¹⁶. Именно прозорливый А. Ф. Кони, в то время руководивший уголовным отделением департамента Минюста, рекомендовал Коковцева и советовал не отказываться от работы в этой комиссии, хотя бы потому, что «таких замечательных людей, как Константин Карлович... не много... и... провести время около большого человека — всегда полезно»¹⁷.

Руководствуясь идеей, что «тюремное дело не имело прошлого, т. к. ничего не изучено»¹⁸, комиссия Грота предприняла поездку по маршруту Петербург-Москва-Курск-Харьков-Киев-Варшава-Рига-Псков-Петербург. Тщательно осматривая тюремные учреждения, изучая правила внутреннего распорядка дня, условия содержания и надзора, принимая во внимания жалобы и прошения заключённых, комиссия не обошла стороной вопрос участия в постановке тюремного дела губернских правлений, лиц прокурорского надзора и даже полиции. Комиссия подтвердила факты из отчётов предыдущих комиссий, оставившие удручающее впечатление, и констатировала в большинстве случаев крайне печальное состояние тюрем, отсутствие организации труда, за исключением хозяйственных работ внутри тюрьмы,

дававших занятие лишь небольшому количеству заключённых, однако питание было везде вполне удовлетворительное, но однообразное (чёрный хлеб, каша, щи и квас). Комиссия убедилась, что столичные тюрьмы нисколько не лучше провинциальных.

Россия была активным членом международного пенитенциарного движения. Отдельного внимания заслуживает вопрос участия Константина Карловича в работе конгресса, состоявшегося в Стокгольме в 1878 г. Интересен тот факт, что шведский посол Дуэ лично обратился к Гроту не только с личным приглашением, но и с просьбой повлиять на мнение русского правительства об официальном участии государства. Послу было известно о готовящемся отказе, в связи с отсутствием результатов проведения тюремной реформы в России. Гроту пришлось использовать свое личное влияние в имперских государственных кругах, ссылаясь на статус России как «первоклассной державы»¹⁹, чтобы добиться положительного разрешения вопроса. Современниками отмечается исключительное положение, занятое Гротом на конгрессе. Выдвижение статс-секретаря его императорского величества вице-президентом конгресса связывали не только с государственным званием и должностью председателя комиссии по тюремной реформе Государственного совета империи, но и с прекрасным владением иностранными языками; глубоким энтузиазмом и знанием предмета; личным знакомством со многими участниками из разных стран; и «наконец, особая... истинно-культурная форма общения с людьми...»²⁰. Сохранился всеподданейший доклад Грота о стокгольмском тюремном конгрессе Александру II, на котором император написал: «Прочел с большим интересом. Желаю весьма, чтобы оно имело практический результат и для нас»²¹.

Еще до начала своей активной тюремной деятельности, совершая частые поездки за границу, Грот интересовался тюремным делом. Посещая образцовые западноевропейские тюрьмы, он заводил личные знакомства с известными тюремоведами, поддерживал с ними активную переписку. А один из берлинских книжных магазинов, с владельцами которого Константин Карлович состоял в дружеских отношениях, снабжал его литературой по тюремному вопросу еще задолго до назначения его председателем комиссии по пенитенциарным преобразованиям и почти до самой смерти.

В начале 1878 г. были направлены несколько человек, которым прочили должности в тюремном ведомстве, в продолжительную служебную командировку в страны Западной Европы для изучения заграничного опыта. Грот вручил им личные рекомендательные письма к своим зарубежным друзьям. «Все эти лица, прекрасно знавшие К. К., расспрашивали о нем и выражали своё удивление тому вниманию и исключительному знанию вопроса, которые всегда он проявлял, посещая тюрьмы, даже в качестве любознательного туриста»²².

Среди них был, по выражению профессора Н. С. Таганцева, и «юный тюрьмовед» В. Н. Коковцев. Его еженедельные отчёты, наиболее заслуживавшие внимания Грота, тот публиковал в газете «Порядок» под общим названием «Тюремные параллели». Осень того же года выдалась хлопотной. Представленный Гротом проект пенитенциарных преобразований в империи был признан лучшим. Главным результатом работы комиссии стало принятие закона в 1879 г. о создании ГТУ в составе МВД центрального органа управления тюрьмами.

Коковцев продолжал служить под начальством Грота со дня учреждения ГТУ в июне 1879 г. и до 1882 г. В 1880 г. он же назначил ещё совсем молодого Коковцева на ответственную должность помощника начальника ГТУ, на которой он оставался до 1890 г. С молчаливого согласия непосредственного начальника М. Н. Галкина-Враского, «не любившего обременять себя большими занятиями, и предпочитавшего им широкие светские отношения»²³, он пользовался полной самостоятельностью.

По словам Коковцева, личность и деятельность Грота оставили неизгладимое впечатление, на протяжении всей его жизни он вспоминал пожелание Грота: «...сделать столько доброго, хорошего и полезного для всех, кто виноват и для самого Государства»²⁴, особенно сформировало понятие о долге в широком смысле слова, которое отразилось на его последующей государственной деятельности. Коковцев отмечает, что он вспоминал «эту пору моей деятельности с величайшей благодарностью»²⁵.

В 1881–1882 гг. К. К. Грот руководил тюремным ведомством в ранге министра. Благодаря именно его влиянию и близким связям с министром финансов того времени Н. Х. Бунге и государственным контролером статс-секретарем Д. М. Сольским,

по смете на 1882 г. на капитальный ремонт и переоборудование старых тюремных зданий ГТУ получило из казны один миллион рублей вместо 150–200 тысяч, выделяемых ранее. Небывалая по тому времени сумма!

Со свойственной Гроту откровенностью еще в ноябре 1877 г. он написал во всеподданнейшем докладе, что вообще необходимо уничтожить многовластие в управлении тюрьмами, изъять столичные тюрьмы из ведения губернской администрации и подчинить их непосредственно ГТУ. Что и было осуществлено потом, но только в 1884 г. Однако тогда министру внутренних дел графу Игнатьеву не понравилась идея выделения ГТУ в слишком обособленную и самостоятельную управленческую структуру. А столичные тюремные комитеты не смогли смириться с замыслом Грота об их фактическом отстранении от управления тюрьмами. Всегда последовательный враг недомолвок, он не нашел возможным отказаться от задуманной им реформы. Полагая, что дальнейшие преобразования тюремной системы не встретят поддержки в новое царствование Александра III, подал в отставку в апреле 1882 г. С тех пор эта должность перестала существовать в царской администрации. На этом закончилась активная государственная тюремная деятельность К. К. Грота, «пока ложное положение министра без самостоятельного бюджета не показало ему беспочвенности его усилий»²⁶. В это время Грот уже активно занимался организацией благотворительности для людей с ограниченными возможностями.

Безусловно, историей движут политические условия, но значение личности всегда играло свою субъективную роль. По выражению карельского филолога Э. Карху, Я. К. Грот был не только частным лицом, дружески настроенным к финнам, но и, по его словам, «орудием исполнения» правительственной политики²⁷. Другой же исследователь, переведший на шведский язык переписку Я. К. Грота с П. А. Плетневым, В. Грундстрем, предполагает, что друзья положительно повлияли на мнение Александра II об автономии Финляндии.

Его брат Константин не только с интересом знакомился с работами и планами своего брата, но и, изучив западный опыт, сыграл видную прогрессивную роль в деле совершенствования пенитенциарной системы в России. Глубоко проникнутый гуманными идеями, он продолжил деятельность по признанию

глухонемых и слепых на посту главы Собственной Его императорского Величества канцелярии по учреждениям ведомства Императрицы Марии. В 1906 г. в Санкт-Петербурге перед зданием Александро-Мариинского училища слепых был установлен памятник, посвященный Константину Карловичу Гроту. А на одном из фасадов домов установлена памятная доска: «Улица носит имя Константина Карловича Грота (1815–1897) видного общественного деятеля, создателя в России школ для слепых».

---

¹ Труды Я. К. Грота. Очерки из истории русской литературы (1848–1893). Т. 3. СПб., 1901. С. 422.

² Сборник Императорского Русского исторического общества. Вып. 23. СПб., 1878. С. 297–298.

³ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 2. СПб., 1896. С. 292–293.

⁴ Грот Я. К. Несколько данных к его биографии и характеристике. СПб., 1895. С. 4, 16.

⁵ Философский век. Альманах. Выпуск 38. Соединяя времена и народы. Яков Грот: к двухсотлетию со дня рождения / Отв. редакторы Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб. — Хельсинки: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2012. 355 с.

⁶ См: Эконен К. Славянская библиотека Хельсинки в 1809–1924 гг. История организации // Гельсингфорс — Санкт-Петербург. Страницы истории. СПб., 2012. С. 8–24; Эконен К. Яков Грот — основатель славянской библиотеки в Хельсинки // Философский век. Альманах. Выпуск 38. Соединяя времена и народы. Яков Грот: к двухсотлетию со дня рождения. СПб. — Хельсинки: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2012. С. 177–187.

⁷ Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель (12 января 1815–30 октября 1897): Материалы для его биографии и характеристики: К столетию со дня его рождения / Под ред. К. Я. Грота и Я. Н. Колубовского. Т. 1. Пг., 1915. С. 45.

⁸ *Byckling L.* Yakov Grot and Culture in Helsinki: Theatre and Entertainments in the 1840s — 50s. // Философский век. С. 197.

⁹ Rare Book & Manuscript Library Columbia University in the City of New York. Бахметевский архив. Воспоминания детства и лицейской поры графа В. Н. Коковцева. Бахметевский архив.

¹⁰ Фамилия графа в разных источниках пишется по-разному (Коковцев или Коковцов), но, вероятно, наиболее верным является то, как он сам записал ее своей рукой в мемуарах.

¹¹ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания, 1903–1919 гг. В 2 т. Т. 1. Париж, 1933. С. 4.

¹² Там же. С. 325.

¹³ В окружение Грота входили его брат Яков Карлович, а также А. В. Головин, П. Н. Саломон. Кроме того, с ним часто общались члены Государственного совета и сенаторы Н. И. Стояновский, Э. В. Фриш, М. Е. Ковалевский, В. А. Арцимович и др.

¹⁴ *Федорченко В. И.* Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий. Т. 1. Красноярск, 2003. С. 444.

¹⁵ См: Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 226. Оп. 1. Д. 86. Грот К. К. Отчет тайного советника графа Соллогуба.

¹⁶ Там же. 33. Л. 15.

¹⁷ Воспоминания детства и лицейской поры графа В. Н. Коковцева. С. 296–297.

¹⁸ Материалы тюремной комиссии К. К. Грота (1875–1879 гг.). СПб., 1885. С. 16.

¹⁹ Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель. С. 278.

²⁰ Там же С. 279.

²¹ Там же. С. 280.

²² Там же. С. 246.

²³ Воспоминания детства и лицейской поры графа В. Н. Коковцева. С. 340.

²⁴ Там же. С. 323.

²⁵ *Граф Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания, 1903–1919 гг. Т. 1. Париж, 1933. С. 4.

²⁶ *Кони А. Ф.* На жизненном пути. Т. 2. СПб., 1912. С. 504.

²⁷ *Карху Э.* Финляндская литература и Россия, 1800–1850. Таллин, 1962. С. 312.